

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
третья
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 59-77.

Voropaev V.A.
“HOW SWEET IT IS TO DIE!”
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 3
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 59-77.

«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»

Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья третья¹

Воропаев В.А.,

*доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва,
Российская Федерация) voropaevvl@bk.ru*

В статье рассмотрены события последних дней жизни Гоголя, обстоятельства сожжения рукописей, а также версии о причинах смерти писателя, в частности, распространенное убеждение, что он уморил себя голодом. Сороковой день по кончине Гоголя на кладбище Свято-Данилова монастыря. Слова «Ей, гряди, Господи Иисусе» (Апок. 22: 20), выбитые на надгробном камне Гоголя выражают, без сомнения, самое главное в его жизни и творчестве: стремление к стяжанию Духа Святого и приготовление души к встрече с Господом.

Ключевые слова: Гоголь, религиозное мирозерцание, последние дни жизни, обстоятельства сожжения рукописей, светлые сороковины.

Для цитаты:

Воропаев В.А. «КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!» Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья третья [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2017. Том 4. №4. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Voropaev_3.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Voropaev V.A. “HOW SWEET IT IS TO DIE!” The Death of Gogol as a Testament to His Descendants. Article 3 [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2017, vol. 4, no. 4. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Voropaev_3.shtml (Accessed dd.mm.yyyy)

<1>

Смерть Гоголя породила множество толков. Широкое распространение получило мнение, что он уморил себя голодом. На этом настаивал еще Н.Г. Чернышевский на основании воспоминаний доктора А.Т. Тарасенкова. Так думали многие, не исключая и людей религиозных. Например, профессор Киевской Духовной академии В.З. Завитневич утверждал: «Гоголь умер от истощения сил, до которого он добровольно довел себя посредством отказа от принятия пищи» [11, с. 403].

Современные исследователи пытаются подвести под это предположение научный фундамент. Так, известный богослов и историк Церкви А.В. Карташев в книге «Вселенские соборы» пишет, что Гоголь «покаянно отверг все плотское и уморил себя голодом в подвиге

---

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 16-04-00523а («Ганатологический дискурс русской словесности XI–XX веков в аспекте межкультурной коммуникации»).

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
третья
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 59-77.

Voropaev V.A.
"HOW SWEET IT IS TO DIE!"
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 3
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 59-77.

спиритуализма». [13, с. 289]. Литературовед М.Я. Вайскопф в своей монографии о Гоголе утверждает, что смерть писателя «была типичным замаскированным самоубийством гностика, разрывающего плотские узы» [3, с. 656].

Однако Гоголь был православным христианином, исполняющим все церковные установления. Он знал, что такое смертный грех самоубийства [см.: 4]. Правильно понимаемый и исполняемый пост никак не может послужить причиной смерти человека. А то, что Гоголь понимал пост в церковном духе, неопровержимо свидетельствуют его выписки из творений святых отцов. Вот несколько примеров.

«Обманывается тот, кто думает, что сущность поста состоит в уменьшении только телесной пищи. Ибо известно, нарушители правил истинной добродетели не получают от того никакой пользы. Изнурение тела бесполезно для тех, которые в сердце питают ненависть и в груди своей носят закоренелую злобу и мстительность, Бог не войдет в такое гнусное жилище. Не лишнее ли дело мучить тело голодом и жаждою, когда душа измучена и гибнет от пороков? И молитва и пост бесполезны для тебя, когда ты не украшен верою, надеждою и любовью» (святой Ефрем Сирий) [7, т. 9, с. 41]; «Чтобы пост был настоящий – одного воздержания от пищи недостаточно. Будем поститься постом богоприятным. Истинный пост есть воздержание от пороков, обуздание языка, укрощение гнева и страстей, отложение злоречий, лжи, обмана, воздержание от сего есть истинный пост» (святой Василий Великий) [там же]; «Принимай на себя столько поста, сколько нести можешь. И пощение твое должно быть чисто, просто, нелицемерно, умеренно и несуетно» (Блаженный Иероним) [там же].

О том же говорят и пометы на принадлежавшей Гоголю Библии (ныне хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома). «Пост не дверь к спасенью», – написал он карандашом на полях против слов св. апостола Павла: *«Брашно же нас не поставляет пред Богом: ниже бо аще ямы, избыточествуем: ниже аще не ямы, лишаемся»* (*«Пища не приближает нас к Богу: ибо едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем»*, 1 Кор. 8: 8) [там же, с. 152].

Внутренняя жизнь Гоголя, под которой он понимал жизнь в Боге², была скрыта от окружающих. Не имея собственного дома и живя все время на людях, он, конечно, часто вынужден был скрывать свое пощение, как это и заповедано Евангелием. Гоголь чувствовал себя как дома, по-видимому, только у графа А.П. Толстого³. Бывая у тех знакомых, которые не

---

² 20 июня (н. ст.) 1843 года Гоголь писал из Эмса своему старому приятелю Александру Данилевскому в ответ на его упреки в охлаждении их отношений: «Внутреннюю жизнь я понимаю ту жизнь, когда человек уже не живет своими впечатлениями, когда не идет отведывать уже известной ему жизни, но когда сквозь все видит одну пристань и берег – Бога и во имя Его стремится и спешит употребить в дело данный Им же ему талант, а не зарыть его в землю, слыша, что не для своих удовольствий дана ему жизнь, что строже ее долг и что взыщется страшно с него, если он, углубясь во внутрь себя, и спросил себя и не узнал, какие в нем сокрыты стороны, полезные и нужные миру, и где его место, ибо нет ненужного звена в мире. А внешняя жизнь само собою есть противоположность внутренней, когда человек под влиянием страстных увлечений влечется без борьбы потоками жизни, когда нет внутри его центра, на который опершись, мог бы он пересилить и самые страдания и горе жизни. <...> Внешняя жизнь вне Бога, внутренняя жизнь в Боге» [7, т. 12, с. 252].

³ По свидетельству Тertia Ивановича Филиппова, служившего при графе Толстом чиновником особых поручений по вопросам Восточных Православных Церквей, тот «усердно исполнял все постановления Церкви и в особенности был точен в соблюдении

придавали большого значения посту, Гоголь старался не смущать их. Именно в этом смысле, видимо, надо понимать его записку Сергею Тимофеевичу Аксакову от 19 марта 1849 года: «...имеют сегодня подвернуться вам к обеду два приятеля: Петр Михайлович Языков и я, оба греховодники и скоромники. Упоминаю об этом обстоятельстве по той причине, чтобы вы могли приказать прибавить кусок бычачины на одно лишнее рыло» [7, т. 15, с. 168]. На эту записку, например, ссылается доктор Тарасенков, говоря, что Гоголь любил «сытные мясные кушанья» [20, с. 9].

Известно, что именно 19 марта Гоголь отмечал свой день рождения, который, бывая в Москве, нередко проводил у Аксаковых. В 1849 году день этот приходился на Великий пост. Зная духовное устройство Гоголя, можно с уверенностью утверждать, что он не ел у Аксаковых в этот день бычачины, хотя и счел необходимым в шуточной форме заблаговременно предупредить друзей, чтобы они чувствовали себя свободно.

Отметим, что через несколько дней Гоголь должен был причаститься Святых Таин. 3 апреля 1849 года, в день Светлого Христова Воскресенья, он писал матери и сестрам Анне и Елизавете: «Христос воскрес! От всей души поздравляю вас всех с радостнейшим праздником. Я провел его, слава Богу, не без душевного веселия. Вероятно, и вы также были счастливы в этот день по мере того, как умела душа возрадоваться воскресенью Того, Кто воскрешает всех, в Него верующих. Письмо ваше (от 19 марта) с поздравлением пришло ко мне в тот день, когда я удостоился приобщиться Св<ятым> Тайнам» [7, т. 15, с. 174]. Гоголь, по всей вероятности, причащался на Страстной неделе, скорее всего, в Великий четверг.

Само собой разумеется, что вкушение мяса Великим постом, за полторы недели до приобщения Святых Таин, недопустимо (это понятно даже для новоначальных). В выписках Гоголя из творений святых отцов и учителей Церкви находим следующее место о тех, кто причащается недостойно: «Таинство Евхаристии, принимаемое устами недостойных, вместо отпущения грехов их, вместо запечатления их к наследию небесному и вечному блаженству, вызывает на них праведный суд страшного Судии – Бога; и Пречистая Кровь Иисуса Христа в устах нечистых еще громче крови Авелевой вопиет к Богу об отмщении. Кому из вас, братия мои, не известны страшные поразительные опыты Божественного мщения на осквернителей святыни? <...> В первенствующей Церкви видимым образом – болезнью или смертью казнь небесная отпечатлевалась на тех, которые, не быв достойными, приступали к Евхаристии. Сего ради, говорит апостол, *в вас мнози немощны и недужливы, и усыпают*, то есть умирают, *довольни* (1 Кор. 11: 30)» (Приготовление к Исповеди и Причащению) [7, т. 9, с. 89].

Доктор Тарасенков на протяжении своих записок не раз говорит о молитвенном устройении Гоголя в последние дни: «Свое пощение он не ограничивал одною пищею, но и сон умерял до чрезмерности; после ночной продолжительной молитвы он вставал рано и шел к заутрени...» [20, с. 16]. Со слов того же Тарасенкова известно, что Гоголь почти до самой смерти не ложился в постель, а оставался в креслах: «Несмотря на свое убеждение, что постель будет

поста, которое доводил до такой строгости, что некоторые недели Великого поста избегал употребления даже постного масла. На замечания, которые ему приходилось нередко слышать о бесполезности такой строгости в разборе пищи, он обыкновенно отвечал, что другие, более высокие требования христианского закона, как, например, полной победы над тонкими, глубоко укоренившимися от привычки страстями, он исполнить не в силах, а потому избирает по крайней мере такое простое и ему даже доступное средство, чтобы выразить свою покорность велениям Церкви...» (Гоголь в воспоминаниях Т.И. Филиппова) [9, т. 3, с. 889–890].

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
третья
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 59-77.

Voropaev V.A.
"HOW SWEET IT IS TO DIE!"
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 3
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 59-77.

для него смертным одром (почему он старался оставаться в креслах), в понедельник на второй неделе поста (то есть 18 февраля. – *В. В.*) он улегся, хотя в халате и сапогах, и уже более не вставал с постели» [там же, с. 24].

Можно думать, однако, что Гоголь сидел в креслах не из страха умереть на постели. Скорее это было в некотором роде подражанием монашескому обычаю проводить ночной отдых не на ложе, а на стуле, то есть вообще сидя⁴. Павел Васильевич Анненков, рассказывая о пребывании вместе с Гоголем в Риме летом 1841 года, пишет в своих воспоминаниях: «Одно обстоятельство только тревожило меня, возбуждая при этом сильное беспокойное чувство, которое выразить я, однако же, не смел перед Гоголем, а именно тогдашняя его причуда – проводить иногда добрую часть ночи, дремля на диване и не ложась в постель. Поводом к такому образу жизни могла быть, во-первых, опасная болезнь, недавно им выдержанная и сильно напугавшая его, а во-вторых, боязнь обморока и замирания, которым он, как говорят, действительно был подвержен. Как бы то ни было, но открыть секрет Гоголя, даже из благодушного желания пособить ему, значило нанести глубочайшую рану его сердцу. Таким образом, Н<иколай> В<асильевич> довольно часто, а к концу все чаще и чаще приходил в мою комнату, садился на узенький плетеный диван из соломы, опускал голову на руку и дремал долго после того, как я уже был в постели и тушил свечу. Затем переходил он к себе на цыпочках и так же точно усаживался на своем собственном соломенном диванчике вплоть до света, а со светом взбивал и разметывал свою постель для того, чтоб общая наша служанка, прибиравшая комнаты, не могла иметь подозрения о капризе жильца своего, в чем, однако же, успел весьма мало, как и следовало ожидать. Обстоятельство это, между прочим, хорошо поясняет то место в любопытной записке Ф.В. Чижова о Гоголе 1843 года, где автор касается апатических вечеров Н.М. Языкова, на которых все присутствующие находились в состоянии полудремоты и после часа молчания или редких отрывистых замечаний расходились, приглашаемые иногда ироническим замечанием Гоголя: "Не пора ли нам, господа, окончить нашу шумную беседу" <...> Вечера эти могли быть для Н<иколая> В<асильевича> началом самой ночи, точно так же проводимой, только без друзей и разговоров» (Гоголь в воспоминаниях и письмах П.В. Анненкова) [9, т. 3, с. 450–451].

Завершает мемуарист свой рассказ следующими словами: «Конечно, тут еще нельзя искать обыкновенных приемов аскетического настроения, развившегося впоследствии у Гоголя до необычайной степени, но путь для них был уже намечен».

Думается все-таки, что здесь было не начало, а уже некоторая полнота аскетического поведения Гоголя. Косвенным подтверждением этому могут служить упомянутые Анненковым воспоминания Федора Васильевича Чижова, общавшегося с Гоголем в Риме в 1843 году. Он, в частности, говорит: «В каком сильном религиозном напряжении была тогда душа Гоголя, покажет следующее. В то время одна дама, с которою я был очень дружен, сделалась сильно больна. Я посещал ее иногда по нескольку раз на день и обыкновенно приносил известия о ней в нашу беседу, в которой все ее знали – Иванов лично, Языков по знакомству ее с его родными, Гоголь понаслышке. Однажды, когда я опасался, чтоб у нее не было антонова огня в ноге, Гоголь просил меня зайти к нему. Я захожу, и он, после коротенького разговора, спрашивает: "Была ли она у святителя Митрофана?" – Я отвечал: "Не знаю". – "Если не была, скажите ей,

---

⁴ Например, никогда не имел постели в своих келлиях преподобный Серафим Саровский. В новейшее время архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Максимович) ночью отдыхал только сидя.

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
третья
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 59-77.

Voropaev V.A.
"HOW SWEET IT IS TO DIE!"
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 3
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 59-77.

чтоб она дала обет помолиться у его гроба⁵. Сегодняшнюю ночь за нее здесь сильно молился один человек, и передайте ей его убеждение, что она будет здорова. Только, пожалуйста, не говорите, что это от меня". По моим соображениям, этот человек, должно было, был сам Гоголь...» (Гоголь в воспоминаниях, дневниках и письмах Ф.В. Чижова) [9, т. 3, с. 47–48].

Гоголь глубоко верил в силу молитвы, в том числе и своей собственной. «Неужели вы думаете, что я не сумел бы так же помочь и вашим неизлечимым больным? – писал он в статье "Что такое губернаторша", обращаясь к Александре Осиповне Смирновой. – Ведь вы позабыли, что я могу и помолиться, молитва моя может достигнуть и до Бога...» [7, т. 6, с. 98–99].

Умирал Гоголь с четками в руках. Это значит, что он постоянно внутренне произносил Иисусову молитву («Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного»), исполняя заповедь Господню «*Непрестанно молитесь*» 1 Фес. 5, 17)⁶. В своей Библии Гоголь на полях повторил этот и предшествующий стих: «всегда радуйтесь и непрестанно молитесь» [7, т. 9, с. 157].

Оптинский иеромонах отец Климент (Зедергольм) говорил, что размышляя о смерти Гоголя, он всегда мысленно повторял слова: «Узрят кончину праведника и не уразумеют, что усуетова о нем Господь» (Матвеев П.А. Гоголь в Оптиной Пустыни) [9, т. 3, с. 728]. Изречение это, взятое из книги Премудрости Соломона (4: 17), в полном виде выглядит так: «*Узрят бо кончину премудрого и не уразумеют, что усуетова о нем и во что утверди его Господь*». Оно высечено на надгробии Ивана Васильевича Киреевского, погребенного в Оптиной Пустыни. Судьбы его и Гоголя во многом схожи.

<2>

После кончины Гоголя, в тот же день, прошел слух, что он сжег свои бумаги. Современники были уверены, что уничтожена рукопись второго тома «Мертвых душ». Была названа и дата сожжения – ночь с 11 на 12 февраля. Первым публично объявил о сожжении глав второго тома М.П. Погодин в своей некрологической статье: «Поутру он (Гоголь. – В. В.) сказал графу Т<олсто>му: «Вообразите, как силен злой дух! Я хотел сжечь бумаги, давно уже на то определенные, а сжег главы «Мертвых душ», которые хотел оставить друзьям на память после моей смерти» [18, с. 47].

Но самого Погодина не было рядом с Гоголем в последние дни, он писал со слов графа Толстого. Перед публикацией Погодин послал ему рукопись статьи с запиской (ныне хранится

---

⁵ Обретение мощей святителя Митрофана, епископа Воронежского, состоялось 7 августа 1832 года и сопровождалось многочисленными чудесными исцелениями. По свидетельству писателя Григория Петровича Данилевского, в Васильевке, во флигеле, где по обыкновению жил и работал Гоголь, над кроватью в углу висел «образ св. угодника Митрофана» (Свидетельства о Гоголе в воспоминаниях и письмах Г.П. Данилевского) [9, т. 1, с. 286].

⁶ По всей видимости, Гоголь и раньше творил Иисусову молитву. Николай Григорьевич Тройницкий, редактор «Одесского Вестника», посетивший его вместе с Львом Сергеевичем Пушкиным (братом поэта) в апреле 1848 года в здании Одесского карантинного дома, вспоминал, что приветствуя их, Гоголь имел в руках монашеские четки (Тройницкий Н.Г. <Гоголь в Одессе>) [см. 9, т. 3, с. 628]. Н.Г. Тройницкий написал стихотворение, посвященное Гоголю, в котором вспоминает эту встречу. Там есть такие строки: «Перебирая молча четки, / Ты нам привет послал рукой...» [там же, с. 629].

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
третья
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 59-77.

Voropaev V.A.
"HOW SWEET IT IS TO DIE!"
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 3
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 59-77.

в Рукописном отделе Пушкинского Дома): «Вот что я набросал. Сделайте милость, граф, поправьте, дополните, сделайте, что угодно, – но только, прошу вас, поскорее: книга моего журнала должна выйти завтра. Мне показалось, совестно пройти молчанием – что мы за неучи – но я ничего не знаю и написал только, что вы рассказали. Так вы и окончите ваше доброе дело» [ИРЛИ. 16033; 5, с. 236].

Граф Толстой, просмотрев рукопись, писал Погодину: «Думаю, что последние строки о действии и участии лукавого в сожжении бумаг можно и должно оставить (то есть оставить не напечатанными. – В.В.). Это сказано было мне одному без свидетелей: я мог бы об этом не говорить никому, и, вероятно, сам покойный не пожелал бы сказать это *всем*. Публика не духовник, и что поймет она об такой душе, которую и мы, близкие, не разгадали. Вот и еще замечание: последние строки портят всю трогательность рассказа о сожжении бумаг» (Свидетельства о Гоголе графов А.П. и И.П. Толстых и графини А.Г. Толстой (рожденной княжны Грузинской)) [9, т. 3. с. 723].

Однако граф Толстой оговаривал, что он болен, и просил Погодина несколько не останавливаться за его мнением, которое есть мнение больного [там же]. Погодин и сам сомневался в целесообразности публикации этих строк, о чем сообщал в ответной записке графу, но все же поместил их.

Остается открытым вопрос, что именно сжег Гоголь перед смертью. Догадки современников и позднейших биографов разноречивы. Большинство считало, что погибла беловая редакция второго тома «Мертвых душ». Были и другие предположения: уничтожены «Размышления о Божественной Литургии» (над которыми Гоголь работал в последние годы жизни), политически опасные бумаги, – вплоть до версии, что Гоголь вовсе ничего не сжигал, а рукописи были спрятаны графом Толстым. Все эти гипотезы не имеют документального подтверждения, тем более что мы даже не знаем, закончил ли Гоголь второй том⁷.

О втором томе как завершенной рукописи говорит доктор Тарасенков: «"Литургия" и "Мертвые души" были переписаны набело его (Гоголя. – В.В.) собственной рукою, очень хорошим почерком» [20, 12]. Это сообщение, по сути, является единственным аргументом в пользу утверждения, что Гоголь сжег законченный второй том. На него ссылаются, например, комментаторы советского академического издания. Однако Тарасенков, как и все другие мемуаристы, основывался в первую очередь на рассказах графа Толстого: он не мог видеть воочию рукописей второго тома, поскольку был приглашен к Гоголю 13 февраля (то есть сразу после сожжения), а тот принял его только 16-го. Впрочем, Тарасенков и не говорит, что видел рукописи, – этого не могло быть уже потому, что Гоголь тщательно оберегал свои бумаги от постороннего взгляда.

Кстати, доктор Тарасенков не был, как иногда считают, домашним врачом Гоголя. Из записок архитектора и академика живописи Владимира Осиповича Шервуда явствует, что Тарасенков пользовал семью графа Толстого: «Он был, между прочим, доктором Толстых и следил последнее время за болезнью Гоголя, которую и описал в брошюре и где, между прочим, были ему сообщены и мною некоторые факты» [9, т. 3, с. 717]. Как следует из собственных записок Тарасенкова, он видел Гоголя во время его предсмертной болезни всего три раза: 16, 19 и 20 февраля. До этого они были едва знакомы.

После смерти Гоголя разбиравшие его бумаги И.В. Капнист, граф А.П. Толстой и С.П. Шевырев обнаружили пять черновых тетрадей, заключавших в себе пять неполных глав второго тома: четыре начальные главы, датируемые 1849–1850 годами и первоначальный набросок одной из последних глав (условно называемой пятой) более раннего происхождения.

---

⁷ Сомнение в том, действительно ли Гоголь завершил второй том, высказывал еще В.И. Шенрок [см.: 24, с. 910].

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
третья
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 59-77.

Voropaev V.A.
"HOW SWEET IT IS TO DIE!"
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 3
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 59-77.

Уцелевшие тетради имеют несколько слоев правки. В текст в разное время вносились исправления карандашом и чернилами, превратившие рукопись мало-помалу в черновик для последующей переписки. Вся дальнейшая работа Гоголя остается нам неизвестной. Ни одной рукописи, ни одного текста последней редакции, кроме незначительных отрывков, до настоящего времени не обнаружено.

Характерно, что в воспоминаниях современников, слушавших в чтении Гоголя второй том, речь идет почти исключительно о начальных главах, то есть о тех, которые мы знаем по сохранившимся черновикам. Известно, что до отъезда из Москвы в Васильевку летом 1850 года Гоголем были выправлены и переписаны набело три начальные главы, которые он читал знакомым. Примерно за полгода до этого он писал Петру Александровичу Плетневу: «Все почти главы соображены и даже набросаны, но именно не больше, как *набросаны*; собственно написанных две-три и только» [7, т. 15, с. 294].

Больше всех Гоголь прочел Шевыреву: до седьмой включительно. Но это были, по всей видимости, только наброски, во всяком случае главы эти не были отделаны. «Из второго тома он читал мне <...> семь глав, – сообщал Шевырев сестре Гоголя Марии Николаевне Синельниковой. – Он читал их, можно сказать, наизусть, по написанной канве, содержа окончательную отделку в голове своей» [9, т. 2, с. 108]. Это чтение состоялось в июле – начале августа 1851 года на подмосковной даче Шевырева в селе Троицком или Кагулове по Рязанской дороге.

Последним, кто ознакомился с главами второго тома «Мертвых душ», был отец Матфей Константиновский. Вероятно, это произошло во время его последней встречи с Гоголем незадолго до сожжения рукописей. Ему нередко ставят в вину, что именно он подтолкнул писателя к этому. Отец Матфей отрицал, что по его совету Гоголь сжег второй том, хотя и говорил, что несколько набросков не одобрил и даже просил уничтожить.

«Говорят, что вы посоветовали Гоголю сжечь 2-й том "Мертвых душ"? – «Неправда и неправда... Гоголь имел обыкновение сжигать свои неудавшиеся произведения и потом снова восстанавливать их в лучшем виде. Да едва ли у него был готов 2-й том; по крайней мере, я не видал его. Дело было так: Гоголь показал мне несколько разрозненных тетрадей с надписаниями: *Глава*, как обыкновенно писал он главами. Помню, на некоторых было написано: глава I, II, III, потом, должно быть, 7, а другие были без означения; просил меня прочитать и высказать свое суждение. Я отказывался, говоря, что я не ценитель светских произведений, но он настоятельно просил, и я взял и прочитал... Возвращая тетради, я воспротивился опубликованию некоторых из них. В одной или двух тетрадях был описан священник. Это был живой человек, которого всякий узнал бы, и прибавлены такие черты, которых... во мне нет, да к тому же еще с католическими оттенками, и выходил не вполне православный священник. Я воспротивился опубликованию этих тетрадей, даже просил уничтожить. В другой из тетрадей были наброски... только наброски какого-то губернатора, каких не бывает. Я советовал не публиковать и эту тетрадь, сказавши, что осмеют за нее даже больше, чем за переписку с друзьями» (воспроизведение протоиереем Феодором Образцовым по памяти разговора между Т.И. Филипповым и отцом Матфеем) [15, с. 138–139; см. также 9, т. 3, с. 903].

Свидетельство отца Матфея крайне важно для нас потому, что это едва ли не единственный человек, который в то время был для Гоголя авторитетом, даже более – судьей его труда, приобретшего для самого автора не столько литературное, сколько духовно-нравственное значение. Трудно предположить, что Гоголь, имея законченный беловик, мог дать ему на суд разрозненные тетради с набросками.

Вероятно, и Шевыреву, и отцу Матфею были известны одни и те же главы, и, скорее всего, именно эти главы были уничтожены Гоголем в ночь с 11 на 12 февраля.

<3>

Нам теперь не узнать истинного чувства, которое испытывал Гоголь, сжигая рукописи. Погодин в статье-некрологе вопрошал по поводу этого события: «Было ль это действие величайшим подвигом христианского самоотвержения, самую трудную жертвою, какую может только принести наше самолюбие, или таился в нем глубоко сокрытый плод тончайшего самообольщения, высшей духовной прелести, или, наконец, здесь действовала одна жестокая душевная болезнь?» [18, с. 49].

На эти вопросы существуют разные ответы. Некоторые современники Гоголя и его биографы считали, что он сжигал рукописи в минуту безумия. Этой версии придерживается, например, Константин Мочульский. «Несомненно, – пишет он, – что Гоголь совершил сожжение в состоянии умоисступления; очнувшись, он раскаивался в нем и плакал» [14, с. 143]. С таким мнением согласиться никак нельзя.

Решение Гоголя жечь рукописи не было внезапным. Вот как рассказывает об этом Погодин: «Ночью, во вторник, он долго молился один в своей комнате. В три часа призвал своего мальчика и спросил его, тепло ли в другой половине его покоев. – "Свежо," – отвечал тот. – "Дай мне плащ, пойдем: мне нужно там распорядиться". И он пошел, со свечой в руках, крестясь во всякой комнате, чрез которую он проходил. Пришед, велел открыть трубу как можно тише, чтоб никого не разбудить, и потом подать из шкафа портфель. Когда портфель был принесен, он вынул оттуда связку тетрадей, перевязанных тесемкой, положил ее в печь и зажег свечой из своих рук.

Мальчик, догадавшись, упал пред ним на колени и сказал: "Барин, что вы это, перестаньте!" – "Не твое дело, – отвечал он, – молись!". Мальчик начал плакать и просить его. Между тем огонь погасал, после того как обгорели углы у тетрадей. Он заметил это, вынул связку из печки, развязал тесемку и уложил листы так, чтоб легче было приняться огню, зажег опять и сел на стуле перед огнем, ожидая, пока все сгорит и истлеет. Тогда он, перекрестясь, воротился в прежнюю свою комнату, поцеловал мальчика, лег на диван и заплакал. – "Иное надо было сжечь, – сказал он, подумав, – а за другое помолились бы за меня Богу; но, Бог даст, выздоровею и все поправлю"» [18, с. 49].

Это самый полный рассказ, основанный на свидетельствах гоголевского слуги Семена и графа Толстого. Из него следует, что Гоголь сжигал рукописи после продолжительной молитвы⁸, в его действиях не было ничего, что напоминало бы исступление. Тщательное изучение источников приводит к заключению, что Гоголь действовал совершенно осознанно.

Литературовед Василий Гиппиус высказал предположение, что сожжение явилось результатом роковой случайности. По его мнению, Гоголь не проверил содержимого перевязанной тесемкой пачки [см.: 6, с. 170]. Едва ли это так. Тем более что, по словам Шевырева, Гоголь отбирал бумаги: «некоторые откладывал в портфель, другие обрекал на сожжение. Эти последние велел мальчику связать трубкою и положить в камин» [9, т. 2, с. 108].

Примечательно, что Константин Леонтьев, духовный сын преподобного Амвросия Оптинского, говорил, что тот «больше сочувствовал сожжению Гоголем своих произведений, чем писанию» [1, с. 101]. Прозорливый и святой старец в точности понял духовный смысл происшедшего – Гоголь следовал твердо воле Божией и сделал свой выбор сознательно.

---

⁸ Святые отцы учат, что начатое с молитвой дело не может быть неудачным и тем более безрассудным, потому что оно начато с любовью, надеждой и верой.

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
третья
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 59-77.

Voropaev V.A.
"HOW SWEET IT IS TO DIE!"
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 3
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 59-77.

Широкое распространение имеет версия, что Гоголь сжигал рукописи, будучи недоволен своим трудом как художник. Ее придерживался, например, такой авторитетный ученый, как академик Николай Савич Тихонравов. По его словам, предсмертное сожжение «было сознательным делом художника, убедившегося в несовершенстве всего, что было выработано его многолетним мучительным трудом» [8, т. 3, с. 576].

Однако оценивать эстетическую, художественную сторону второго тома сложно уже потому, что мы имеем дело с черновыми главами и набросками. Поэтому нет причин говорить о неудаче творческого характера. Неизвестно, как сожженные главы выглядели бы в беловике. Ведь не оцениваем мы художественные достоинства черновики первого тома, – нет у нас на это права, – они не предъявлены автором читателю. И все же отметим, что слушавшие главы второго тома в чтении Гоголя в подавляющем большинстве отзывались о них очень высоко. Так, 29 августа 1849 года Сергей Тимофеевич Аксаков сообщал сыну Ивану: «Не могу больше скрывать от тебя нашу общую радость: Гоголь читал нам первую главу 2-го тома "Мертвых душ". Слава Богу! Талант его стал выше и глубже...» (Гоголь в письмах и воспоминаниях С.Т. Аксакова) [9, т. 2, с. 605].

В начале января 1850 года Гоголь снова прочел Аксаковым первую главу, но уже в переработанном виде. Иван Сергеевич Аксаков, присутствовавший на чтении, писал родным из Ярославля 9 января этого года: «Спасибо Гоголю! Все читанное им выступало передо мною отдельными частями во всей своей могучей красоте... Если б я имел больше претензий, я бы бросил писать: до такой степени превосходства дошел он, что все другие перед ним пигмеи» (Гоголь в письмах И.С. Аксакова) [9, т. 2, с. 928].

Через две недели, 19 января, Гоголь прочитал Аксаковым вторую главу. На другой день Сергей Тимофеевич спешил поделиться своим впечатлением с сыном Иваном: «До сих пор не могу еще придти в себя <...> Такого высокого искусства: показывать в человеке пошлом высокую человеческую сторону, нигде нельзя найти <...> Теперь только я убедился вполне, что Гоголь может выполнить свою задачу, о которой так самонадеянно и дерзко, по-видимому, говорит он в первом томе» [9, т. 2, с. 609–610].

По свидетельству современников, слушавших в чтении Гоголя первые главы второго тома в период с 1849 по 1851 год, окончательный текст отличался от тех черновики, которые дошли до нас. Отличия эти касались главным образом более тщательной отделки произведения. Однако, без сомнения, и сохранившиеся главы имеют высокие достоинства, являются своеобразным художественным завещанием Гоголя русской прозе второй половины XIX века. Знаменательно, что Н.Г. Чернышевский, вовсе не сочувствовавший позднему направлению Гоголя, писал в «Очерках гоголевского периода русской литературы»: «В уцелевших отрывках есть очень много таких страниц, которые должны быть причислены к лучшему, что когда-либо давал нам Гоголь...» [23, т. 3. с. 13].

Гоголь, как и всякий писатель, конечно, испытывал сомнения, отчасти проверяя впечатление от вновь написанных вещей на слушателях. Однако высшим судьей был он для себя сам. И судил Гоголь свои произведения в свете Евангелия. «Всякому человеку следует выполнить на земле призвание свое добросовестно и честно, – говорил он в 1850 году. – Чувствуя, по мере прибавленья годов, что за всякое слово, сказанное *здесь*, дам ответ *там*, я должен подвергать мои сочиненья несравненно большему соображенью и осмотрительности, чем сколько делает молодой, не испытанный жизнью писатель» [7, т. 15, с 341].

В этой связи весьма симптоматичны слова Сергея Тимофеевича Аксакова, писавшего Шевыреву после смерти Гоголя: «...в самое последнее свидание с моей женой Гоголь сказал, что он *не будет печатать второго тома*, что в нем *все никуда не годится* и что *надо все переделать*» (из письма от 5 мая 1852 года) [9, т. 2, с. 619]. Вера Сергеевна Аксакова в своих воспоминаниях также свидетельствует, что Гоголь зимой 1851/52 года несколько раз виделся с ее матерью и

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
третья
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 59-77.

Voropaev V.A.
"HOW SWEET IT IS TO DIE!"
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 3
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 59-77.

однажды на вопрос Ольги Семеновны, скоро ли он думает печатать второй том, ответил: «Нет, не скоро, многого недостает, и, если б теперь пришлось начинать, совсем бы иначе начал» (Гоголь в письмах и записных книжках В.С. Аксаковой) [9, т. 2, с. 899].

Гоголь хотел так написать свою книгу, чтобы из нее путь к Христу был ясен для каждого. Напомним его слова, сказанные по поводу сожжения второго тома в 1845 году: «...бывает время, что даже вовсе не следует говорить о высоком и прекрасном, не показавши тут же ясно, как день, путей и дорог к нему для всякого» («Четыре письма к разным лицам по поводу "Мертвых душ"») [7, т. 6, с. 87]. Цели, поставленные Гоголем, далеко выходили за пределы литературного творчества. Невозможность осуществить свой замысел, столь же великий, сколь и несбыточный, становится его личной писательской трагедией.

«Создал меня Бог и не скрыл от меня назначения моего, – писал Гоголь, объясняя причину сожжения первой редакции второго тома в 1845 году. – Рожден я вовсе не затем, чтобы произвести эпоху в области литературной. Дело мое проще и ближе: дело мое есть то, о котором прежде всего должен подумать всяк человек, не только один я. Дело мое – *душа и прочное дело жизни*. А потому и образ действий моих должен быть прочен, и сочинять я должен прочно.<...> Жгу, когда нужно жечь, и, верно, поступаю как нужно, потому что без молитвы не приступаю ни к чему» [там же].

Как видим, Гоголь не оставляет никаких причин для иных толкований своего поступка. Покорность воле Божией, без которой ничего не совершается в мире, полагал он, есть неперемное условие для художника, работающего Богу. «Мне нет дела до того, кончу ли я свою картину или смерть меня застигнет на самом труде, – писал он живописцу Александру Андреевичу Иванову 28 декабря (н. ст.) 1847 года из Неаполя, – я должен до последней минуты своей работать, не сделавши никакого упущенья с своей собственной стороны. Если бы моя картина погибла или сгорела пред моими глазами, я должен быть так же покоен, как если бы она существовала, потому что я не зевал, я трудился. Хозяин, заказавший это, видел. Он допустил, что она сгорела. Это Его воля. Он лучше меня знает, что и для чего нужно» [7, т. 14, с. 487].

Писатель в известных случаях имеет несчастье приносить вред и после смерти. Автор умирает, а произведение остается и продолжает губить души человеческие. Это прекрасно понимал Гоголь. В статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» он вспоминает басню Крылова «Сочинитель и Разбойник». Мораль этой басни угадывается в словах Гоголя из его «Завещания»: «Стонет весь умирающий состав мой, чужа исполинские возрастанья и плоды, которых семена мы сеяли в жизни, не прозревая и не слыша, какие страшилища от них подымутся...» [там же, т. 6, с. 11–12].

В сохранившихся главах второго тома помещик Костанжогло говорит: «Пусть же, если входит разврат в мир, так не через мои руки. Пусть я буду перед Богом прав...» [там же, т. 5, с. 430]. В этом речении слышится отзвук слов Спасителя: «*Горе миру от соблазнов: ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит*» (Мф. 18: 7). Святитель Филарет, митрополит Московский, толкуя это евангельское изречение, пишет: «Воистину плачевен грех и страшен, но соблазн более. Грех мой, при помощи благодати Твоя, могу я прекратить и покаянием очистить; но соблазна, если он виною моею подан и перешел к другим, уже не властен я ни прекратить, ни очистить» [22, т. 4, с. 130].

Другой современник Гоголя, святитель Феофан Затворник говорит о том же: «Соблазн растет и увеличивает беду самого соблазнителя, а он того не чует и еще больше расширяется в соблазнах. Благо, что угроза Божия за соблазн здесь, на земле, почти не исполняется в чаянии исправления; это отложено до будущего суда и воздаяния; тогда только почувствуют соблазнители, сколь великое зло соблазн» [21, с. 171].

Без сомнения, боялся писать на соблазн ко греху и Гоголь. В последнее десятилетие своей жизни он мало ценил прежние свои сочинения, пересматривая их глазами христианина. В предисловии к «Выбранным местам из переписки с друзьями» Гоголь говорит, что своей новой книгой он хотел искупить бесполезность всего, доселе им написанного. Эти слова вызвали немало нареканий и побудили многих думать, что Гоголь отрекается от своих прежних произведений. Между тем совершенно очевидно, что о бесполезности своих сочинений он говорит в смысле религиозном, духовном, ибо, как пишет далее Гоголь, в письмах его, по признанию тех, к которым они были писаны, находится более нужного для человека, чем в его сочинениях.

«Обращаться с словом нужно честно, – говорил Гоголь. – Оно есть высший подарок Бога человеку. Беда произносить его писателю <...> когда не пришла еще в стройность его собственная душа: из него такое выйдет слово, которое всем опротивеет. И тогда с самым чистейшим желаньем добра можно произвести зло» [7, т. 6, с. 21].

Талант, данный ему Богом, Гоголь хотел направить для прославления Бога и на пользу людям. И чтобы достичь этого, он должен был очистить себя молитвой и истинно христианской жизнью. Преображение русского человека, о котором мечтал Гоголь, совершалось в нем самом. Жизнью своей он продолжил свои писания.

Зародыши тех страстей, которые довели его героев до их ничтожества и пошлости, Гоголь находил в себе. В 1843 году, отвечая на вопрос одного из своих друзей, отчего герои «Мертвых душ», будучи далеки от того, чтобы быть портретами действительных людей, будучи сами по себе свойства совсем непривлекательного, неизвестно почему близки душе, Гоголь говорит: «...герои мои потому близки душе, что они из души; все мои последние сочинения – история моей собственной души». И далее замечает: «Не думай, однако же <...> чтобы я сам был такой же урод, каковы мои герои. Нет, я не похож на них. Я люблю добро, я ищу его и сгораю им; но я не люблю моих мерзостей и не держу их руку, как мои герои; я не люблю тех низостей моих, которые отдаляют меня от добра. Я воюю с ними, и буду воевать, и изгоню их, и мне в этом поможет Бог» [там же, с. 85].

«В этом же моем ответе найдешь ответ и на другие запросы, если попристальней взглядишься, – продолжает Гоголь. – Тебе объяснится также и то, почему не выставил я до сих пор читателю явлений утешительных и не избирал в мои герои добродетельных людей. Их в голове не выдумаешь. Пока не станешь сам хотя сколько-нибудь на них походить, пока не добудешь медным лбом и не завоюешь силою в душу несколько добрых качеств, – мертвечина будет все, что ни напишет перо твое, и, как земля от Неба, будет далеко от правды» [там же, с. 86].

В то время как большая часть читателей потешалась над его героями, считая себя неизмеримо выше них, Гоголь страдал и томился, понимая, что и он несовершенен. Он почувствовал, что ему не только не удаются положительные герои, но и не могут удалиться. Почему это так, отчасти можно понять из писаний святителя Игнатия (Брянчанинова). В статье «Христианский пастырь и христианин-художник» он высказывает глубокую мысль: «Большая часть талантов стремились изобразить в роскоши страсти человеческие. Изображено певцами, изображено живописцами, изображено музыкою зло во всевозможном разнообразии. Талант человеческий, во всей своей силе и несчастной красоте, развился в изображении зла; в изображении добра он вообще слаб, бледен, натянут.<...> Когда усвоится таланту евангельский характер, – а это сначала сопряжено с трудом и внутреннею борьбою, – тогда художник озаряется вдохновением свыше, только тогда он может говорить свято, петь свято, живописать свято». [12, т. 4, с. 505–506].

Духовный смысл кончины Гоголя не укрылся от наиболее проницательных его современников. Княжна Варвара Николаевна Репнина-Волконская писала в своих

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
третья
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 59-77.

Voropaev V.A.
"HOW SWEET IT IS TO DIE!"
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 3
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 59-77.

воспоминаниях: «Я понимаю, что Гоголь сжег свое творение и не понимаю плача С.Т. Аксакова и недоумения многих по поводу того, что Гоголь под конец своей жизни не остался прежним Гоголем, юмористом, а сделался истинным христианином. Все и вся должно исчезнуть; в новом, обновленном мире тленное не будет иметь места, и Гоголь обновленный в Царстве Небесном уже не Гоголь земной, но бессмертная ликующая душа, воспевающая "Свят, свят, свят!"». (Из воспоминаний княжны В.Н. Репниной о Гоголе) [9, т. 3, с. 101–102].

<4>

Существует еще несколько не попавших в поле зрения исследователей (или истолкованных неверно) свидетельств современников о сожжении рукописей – точнее, о следах сожжения. Широко известны воспоминания князя Дмитрия Александровича Оболенского, пришедшего в дом, где умер Гоголь, на следующий день после его смерти. «От гр<афа> Толстого узнал я все подробности странной кончины Гоголя и все подробности сожжения рукописей. Убитый горем, вошел я в комнату, среди которой стояла кафельная печь, еще полная пепла от сгоревшей рукописи» (Оболенский Д.А., князь. О первом издании посмертных сочинений Гоголя. Воспоминания. 1855 г.) [9, т. 3, с. 690].

Литературовед А. Бельшева, приводя эти воспоминания, обвиняет автора едва ли не в лжесвидетельстве: «Вот уже поистине усердие паче чаяния! Рукопись сжигалась 11–12 февраля. Неужели в эту холодную зиму печь не топили целых одиннадцать дней!» [2, с. 180–181].

Исследователь не принимает во внимание тот очевидный факт, что комнаты, где произошло сожжение, в то время действительно могли не топиться: они были нежилыми. Эти две комнаты, в которых жил Гоголь, пустовали с тех пор, как граф Толстой перевел его в другую спальню в левой части дома, где было теплее. В этой спальне Гоголь провел последние дни жизни, здесь он и умер.

Лев Иванович Арнольди, посетивший Гоголя накануне его кончины, вспоминает: «Гоголь, видно, переменял комнаты в последнее время или был перенесен туда уже больной, потому что прежде я бывал у него от входной двери направо, а теперь меня ввели налево в том же первом этаже» (Гоголь в воспоминаниях Л.И. Арнольди) [9, т. 2, с. 384].

Сожжение же произошло именно в нетопленном кабинете, что видно из рассказа слуги Семена в передаче графа Толстого. Не доверять свидетельству князя Оболенского нет оснований. Мемуарист описал то, что слышал от графа Толстого и видел собственными глазами. Об этих остатках рукописей вспоминают и другие очевидцы. Приведем два письма близко знавшего Гоголя композитора Алексея Николаевича Верстовского к директору Императорских театров Александру Михайловичу Гедеонову.

Первое письмо датировано 23 февраля 1852 года. «Вчерашнего числа, желая навестить на днях занемогшего писателя нашего драматического Гоголя, я наехал на его кончину – и сколько ни было мне грустно видеть эту картину, не менее того жаль было видеть остатки сожженных лепестьев многих его сочинений. Это приписывают уже сумасшествию последних минут его жизни... Какой-то фатализм овладел им совершенно. Ничтожное средство могло спасти его, но он умер с тою неизменною мыслию, что если ему суждено определенно жить, то он не умрет» [Цит. по 10, с. 337].

В другом письме к тому же адресату (от 9 декабря 1852 года), после представления драмы немецкого писателя графа Альфреда де Виньи «Чаттертон» Верстовский вновь обращается к обстоятельствам, сопутствующим смерти Гоголя: «Глядя на эту пьесу, я пожалел, что у нас не позволяют пьес современных. Сколько бы можно было собрать денег, если б

дозволено было представить смерть Гоголя, который за несколько часов до смерти сжег лучшие сочинения свои. А что касается до гонителей, то оных было поболее старого милорда Beckforda (персонажа драмы А. де Виньи. – *В. В.*). Мне остались еще в памяти минуты его кончины, в которую квартальный с хожалым разбирали не совсем догоревшие его бумаги» [там же].

В этом свидетельстве интересно упоминание о разборе бумаг Гоголя полицейским, но явно настораживает утверждение, что сожжение произошло за несколько часов до смерти; в это время Гоголь настолько ослаб, что уже не вставал с постели. По словам доктора Тарасенкова, не доверять которым у нас нет оснований, накануне кончины, вечером 20 февраля, Гоголь «уже не мог сам приподнять голову и держать рюмку; надобно было придержать и то и другое, чтоб он был в стоянии выпить поданное» [20, с. 27].

Примечательно, хотя и не совсем надежно свидетельство корреспондента газеты «Санкт-Петербургские Ведомости», который сообщал 4 марта 1852 года читателям об обстоятельствах кончины Гоголя: «Три дня или, собственно, три ночи перед смертью он жег находившиеся у него бумаги, и потому одни говорят, что он уничтожил все, что у него было, но другие надеются, что у некоторых из его друзей окажутся его рукописи и в числе их будто бы и второй том "Мертвых душ"».

И далее корреспондент передает рассказ камердинера Гоголя Семена, сообщенный ему на другой день после смерти писателя: «Застав его одного около покойного, я к нему обратился с некоторыми расспросами и, между прочим, спросил о бумагах. "Жгли, батюшка, дня три жгли, все ночью; походят, походят здесь, пожгут; пойдут в ту комнатку, там пожгут. Один раз много что-то пожгли; я вошел к ним, они и говорят мне: сжег, а теперь самому жалко стало, многие бы за это спасибо сказали... Ну я, конечно, говорю: дал бы Бог здоровья, батюшка Николай Васильевич, может, еще лучше напишете... Они посмотрели на меня, да только улыбнулись..."».

В этой заметке настораживают два обстоятельства: во-первых, известный со слов не только Семена, но и самого Гоголя (графу Толстому) рассказ об однократном сожжении превращается в целые три дня; во-вторых, диалог между Гоголем и Семеном в некоторых деталях буквально совпадает с разговором, который произошел у Гоголя с графом Толстым на следующий день после сожжения. И конечно же вызывает сомнение сообщение о том, что это были «три ночи перед смертью» – о причинах этого уже сказано выше.

Тем не менее эти факты заслуживают внимания, а именно тем, что ставят новые вопросы: почему оба не связанных между собой свидетеля упоминают о сожжении перед самой кончиной? Имеет ли место в данном случае ошибка памяти или здесь кроется еще одна загадка?⁹.

<5>

---

⁹ Заметим также, что в Москве в это время прошел слух, что Гоголь сжег рукописи перед самой смертью. Дмитрий Николаевич Свербеев писал жене 26 февраля 1852 года: «Еще до кончины узнали, что за день или два он ночью тайно от всех сжигает все свои сочинения и тут же "Мертвые души"...» (Гоголь в воспоминаниях и письмах Свербеевых) [9, т. 3, с. 846]; Федор Иванович Иордан извещал художника Александра Андреевича Иванова 19 марта того же года: «За два дня до <...> смерти, ночью, топился у него камелек, и он все рвал и жег... <...> "Мертвых душ" второй части не находят... <...> говорят, что и это сжег...» (Гоголь в воспоминаниях и письмах Ф.И. Иордана) [9, т. 3, с. 382].

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
третья
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 59-77.

Voropaev V.A.
"HOW SWEET IT IS TO DIE!"
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 3
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 59-77.

После кончины Гоголя в его бумагах были обнаружены обращение к друзьям, наброски духовного завещания, молитвы, написанные на отдельных листках, предсмертные записи.

Молюсь о друзьях моих. Услыши, Господи, желанья и моления их. Спаси их, Боже. Прости им, Боже, как и мне, грешному, всякое согрешенье пред Тобою.

Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк прелезай иначе есть тать и разбойник.

Аще не будете малы, яко дети, не внидете в Царствие Небесное.

Помилуй меня, грешного, прости, Господи! Свяжи вновь сатану таинственную силою неисповедимого Креста!

Как поступить, чтобы признательно, благодарно и вечно помнить в сердце моем полученный урок? И страшная история всех событий Евангельских... [7, т. 6, с. 412, 414].

В завещании Гоголь советовал сестрам открыть в своей деревне приют для бедных девиц, а по возможности и превратить его в монастырь, и просил: «Я бы хотел, чтобы тело мое было погребено если не в церкви (в родной Васильевке. – В.В.), то в ограде церковной, и чтобы панихиды по мне не прекращались» [там же, с. 413].

На похоронах Гоголя возникли споры. Друзья хотели отпевать его в приходской церкви Преподобного Симеона Столпника, которую он любил и посещал. Однако по настоянию начальства Гоголь был отпет в университетской церкви Святой мученицы Татианы. Позднее, в 1881 году Иван Сергеевич Аксаков в письме к известному библиографу Степану Ивановичу Пономареву так освещал эту распрю: «Сначала делом похорон стали распоряжаться его ближайшие друзья, но потом университет, трактовавший Гоголя в последнее время как полусумасшедшего, опомнился, предъявил свои права и оттеснил нас от распоряжений. Оно вышло лучше, потому что похороны получили более общественный и торжественный характер, и мы все это признали и предоставили университету полную свободу распоряжаться, сами став в тени» [17, с. 142].

Хоронили Гоголя 24 февраля в Свято-Даниловском монастыре. «Погребение совершал приходский священник Алексей Иоаннович Соколов, с диаконом Иоанном Михайловым Пушкиным, дьячком Георгием Александровичем Линьковым и пономарем Петром Кирилл<л>овым Марковым» (Свидетельства о Гоголе в записи Н.П. Бочарова) [9, т. 3, с. 578]. Псалтирь у гроба Гоголя в университетской Татианинской церкви читала Елизавета Ивановна Попова [см.: 19, с. 308].

Незадолго до своей кончины, убеждая князя Петра Андреевича Вяземского приняться за написание истории царствования Екатерины Великой, Гоголь высказал мысль о необходимости оставить «завещанье после себя потомству»: «потомству, которое так же должно быть нам родное и близкое нашему сердцу, как дети близки сердцу отца (иначе разорвана связь между настоящим и будущим)...» (из письма от 1 января 1852 года) [7, т. 15, с. 461]. Таким завещанием Гоголя потомкам (помимо его сочинений), стала его христианская кончина, в которой проявилась во всей непреложности связь между настоящим и будущим, связь между поколениями.

<6>

Сороковой день по кончине Гоголя пришелся на понедельник Светлой седмицы (Пасха Христова в 1852 году праздновалась 30 марта). У могилы Гоголя на кладбище Свято-Данилова монастыря собрались его друзья и почитатели: С.Т. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, А.С. Хомяков, П.В. Киреевский, Н.В. Берг, Т.Н. Грановский, А.Н. Островский, Т.И. Филиппов и другие – всего

около сорока человек. После заупокойной обедни была отслужена панихида по усопшему рабу Божию Николаю. «Утешением было в нашем горе, – вспоминал С.П. Шевырев, – слышать воскресный колокол вместе с заупокойным пением. На могиле его, убранной зеленью и цветами среди снега, мы слышали: "Христос Воскресе!"» [9, т. 2, с. 110].

Кончина Гоголя примирила рассорившихся было С.Т. Аксакова и С.П. Шевырева, Ю.Ф. Самарина и М.П. Погодина. Последний записал в своем дневнике 29 марта 1852 года: «А ведь действительно в смерти Гоголя что-то примиряющее и любовное» (Гоголь в письмах, дневниках и воспоминаниях М.П. Погодина) [9, т. 2, с. 515]. Уместно вспомнить здесь слова, обращенные к графу А.П. Толстому в статье «Занимающему важное место» (запрещенной цензурой и увидевшей свет только после смерти Гоголя): «Я даже уверен, что когда буду умирать, со мной простятся весело все меня любившие: никто из них не заплачет и будет гораздо светлее духом после моей смерти, чем при жизни моей» [7, т. 6, 152–153].

После панихиды предложена была трапеза (согласно завещанию Гоголя¹⁰) шестидесяти бедным и монашествующей братии. На поминальном обеде в покоях настоятеля, архимандрита Пармена, Шевырев прочел «Светлое Воскресенье» – последнее напечатанное при жизни произведение Гоголя. Все были тронуты до слез. «Можете себе представить, – писал М.П. Погодин, – какую силу получило каждое его слово, само по себе сильное, теперь послышавшееся из могилы, запечатленное великой печатью смерти – и бессмертия» (Погодин М.П. Поминование по Гоголе (Отрывок из письма в Петербург <к А.О. Смирновой> [9, т. 2, с. 515]). В этот день впервые столь светло и победно прозвучало духовное слово Гоголя, единодушно и сердечно воспринятое друзьями его.

Во время поминальной трапезы обдумывали, какой памятник поставить Гоголю. «Две надписи встретили всеобщее сочувствие, – вспоминал Шевырев. – Одна относится к нему как к писателю и взята из пророка Иереми: "Горьким словом моим посмеюся". Другая относится к любимым мыслям последнего десятилетия его жизни. В ней выражается сосредоточие всех его мыслей: "Ей, гряди, Господи Иисусе!". Поминки происходили в замечательный день: 30 марта, по преданию Церкви, было распятие Спасителя. С 31-го марта на первое апреля совершилось Воскресение. 31-го марта мы поминали его» [9, т. 2, с. 110]. Ни Шевырев, ни кто-либо другой из присутствовавших, не знали, что это был день смерти отца Гоголя, Василия Афанасьевича, умершего на третий день Светлого Христова Воскресения и завещавшего похоронить себя в родной деревне возле церкви.

Предполагаемые надписи на гоголевском памятнике были предложены Шевыревым; во всяком случае, первая из них – из пророка Иереми (на церковнославянском языке: 20: 8): «Горьким словом моим посмеюся». Этот стих из Священного Писания, помещенный на надгробной плите из черного мрамора и ныне наиболее часто цитируемый, по словам писателя Петра Паламарчука, «замечательно отразил союз художественной правды с пророческим служением, в котором сам Гоголь видел смысл своего творчества» [16, с. 389]. Слова «Ей, гряди, Господи Иисусе», взятые из Апокалипсиса (22: 20), впоследствии были выбиты на надгробном камне Гоголя (так называемой Голгофе) и выражают, без сомнения, самое главное в его жизни и творчестве: стремление к стяжанию Духа Святого и приготовление души к встрече с Господом.

Литература

---

¹⁰ В «Завещании», напечатанном в книге «Выбранные места из переписки с друзьями», Гоголь писал: «Предать же тело мое земле, не разбирая места, где лежать ему, ничего не связывать с оставшимся прахом; <...> прошу лучше помолиться покрепче о душе моей, а вместо всяких погребальных почестей угостить от меня простым обедом нескольких не имущих насущного хлеба» [7, т. 6, с. 10].

Воропаев В.А.

«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»

Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
третья

Язык и текст langpsy.ru

2017. Том 4. № 4. С. 59-77.

Voropaev V.A.

“HOW SWEET IT IS TO DIE!”

The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 3

Language and Text langpsy.ru

4, pp. 59-77.

1. Аггеев К., священник. Христианство и его отношение к благоустройению земной жизни: Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К.Н. Леонтьевым понимания христианства. Киев: Типография «Петр Барский», 1909. [2], X, 333 с.
2. Белышева А. Тайна смерти Гоголя // Нева. Л., 1967. № 3. С. 170–181.
3. Вайскопф М.Я. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. Изд. 2-е, испр. и расшир. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2002. 686 с.
4. Воропаев В.А. «Да будет воля Твоя...». О причинах смерти Н.В. Гоголя // Кусковские чтения – 2017: Материалы международной научной конференции «Культурно-семиотическое пространство русской словесности: история развития и перспективы изучения» / Министерство образования и науки Российской Федерации, Московский гос. психолого-педагогический ун-т; сост. И.В. Дергачевой. М.: Кругъ, 2017. С. 9–20.
5. Воропаев В.А. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. 2-е изд., испр., доп. М.: Паломник, 2014. 336 с.
6. Гиппиус В. Гоголь // Гиппиус В. Гоголь; Зеньковский В. Н.В. Гоголь / Предисл. и сост. Л. Аллена. СПб.: Изд-во «Logos», 1994. С. 9–188.
7. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. / Сост., подготовка текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.
8. Гоголь Н.В. Сочинения: [В 7 т.] Изд. 10-е / Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Николаем Тихонравовым. М.: Издание книжного магазина В. Думнова, под фирмой «Наследники бр. Салаевых», 1889. Т. 3. 617 с.
9. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3 т. / Издание подготовил И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2011–2013.
10. Гозенпуд А. Русский оперный театр XIX века: [В 3 т.]. Т. 1: 1836–1856. Л.: Музыка, 1969. 464 с.
11. Завитневич В. Религиозно-нравственное состояние Н.В. Гоголя в последние годы его жизни // Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник, изданный Историческим Обществом Нестора-летописца / Под ред. Н.П. Дашкевича. Киев, 1902. Отд. II. С. 338–424.
12. <Игнатий, святитель.> Полное собрание творений святителя Игнатия (Брянчанинова): [В 8 т.] / Сост. А.Н. Стрижева, О.И. Шафрановой; общ. ред. А.Н. Стрижева. М.: Паломник, 2001–2006.
13. Карташев А.В. Вселенские соборы. М.: Изд-во Республика, 1994. 216 с.
14. Мочульский К. Духовный путь Гоголя. Париж: YMCA-PRESS, 1976. 147 с.
15. Образцов Ф., протоиерей. О. Матфей Константиновский, протоиерей Ржевского собора. По моим воспоминаниям // Тверские Епархиальные Ведомости. 1902. № 5. 1 марта. Часть неофициальная. С. 128–141.
16. Паламарчук П.Г. «Ключ» к Гоголю // Паламарчук П.Г. Козацкие могилы: Повести, сказания, художественные исследования. М.: Современник, 1990. С. 336–422.
17. Письма к библиографу С.И. Пономареву. М.: Издание Л.Э. Бухгейма, 1915. [4], 230, [2] с.
18. Погодин М.П. Кончина Гоголя // Москвитянин. 1852. № 5. Отд. VII. Современные известия. С. 47–50.
19. <Попова Е.И.> Дневник Елизаветы Ивановны Поповой. 1847–1852 / Под ред. кн. Н.В. Голицына; предисл. Л.В. Беловинского; Гос. публичная историческая библиотека России. М., 2013. 320 с. – (Вглядываясь в прошлое).

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
третья
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 59-77.

Voropaev V.A.
“HOW SWEET IT IS TO DIE!”
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 3
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 59-77.

20. Тарасенков А.Т. Последние дни жизни Н.В. Гоголя. Изд. 2-е, доп. по рукописи. М.: Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон, 1902. [2], 33 с.
21. <Феофан, святитель.> Епископ Феофан. Мысли на каждый день года по церковным чтениям из Слова Божия. М.: Издание Московской Патриархии, 1991 / Репринтное издание.
22. <Филарет, святитель.> Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского: В 5 т. М.: Типография А.И. Мамонтова и К, 1873–1885.
23. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 3. М.: Гослитиздат, 1947. 885 с.
24. Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя. Т. 4. М., 1897. 974 с.

“HOW SWEET IT IS TO DIE!”

The Death of Gogol as a Testament to His Descendants. Article 3

Voropaev V.A.,

Full Ph.D. (Philology), Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
voropaevvl@bk.ru

The article examines the events of the last days of Gogol's life, the circumstances of the burning of manuscripts, as well as the version of the causes of the death of the writer, in particular, the widespread belief that he starved himself to death. Fortieth day after the death of Gogol in the cemetery of the St. Daniel Monastery. The words "She, come, Lord Jesus" (Revelation 22:20), carved on the tombstone of Gogol, undoubtedly express the most important thing in his life and work: the desire to acquire the Holy Spirit and prepare the soul for a meeting with the Lord.

Key Words: Gogol, religious world outlook, the last days of life, circumstances of the burning of the manuscripts, holy fortieth.

References

1. Aggeev K., the priest. Christianity and its relation to the improvement of earthly life: The experience of critical study and theological evaluation of the disclosed K.N. Leontief understanding of Christianity. Kiev: Typography "Peter Barsky", 1909. [2], X, 333 p.
2. Belysheva A. The mystery of Gogol's death // Neva. Leningrad, 1967. № 3. P. 170–181.
3. Weisskopf M.Ya. Gogol's story: Morphology. Ideology. Context. Ed. 2 nd, corrected. and expanded. Moscow: Russian state. Humanitarian University, 2002. 686 p.
4. Voropaev V.A. «Thy will be done ...». About the causes of N.V. Gogol // Kuskov Readings – 2017: Proceedings of the International Scientific Conference «Cultural-Semiotic Space of Russian Literature: History of Development and Prospects for Study» / Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Moscow State University. psychological-pedagogical university; comp. I.V. Dergacheva. Moscow: Krug, 2017. P. 9–20.
5. Voropaev V.A. Nikolay Gogol: Experience of spiritual biography. 2 nd ed., Rev., ext. Moscow: Pilomnik, 2014. 336 p.
6. Gippius V. Gogol // Gippius V. Gogol; Zenkovsky V. N.V. Gogol / Preface and sost. L. Allen. St. Petersburg: Publishing house «Logos», 1994. P. 9–188.
7. Gogol N.V. Complete works and letters: In 17 tons / Comp., preparation of texts and comments. I.A. Vinogradova, V.A. Voropaeva. Moscow; Kiev: Publishing house of the Moscow Patriarchate, 2009–2010.
8. Gogol N.V. Compositions: [In 7 t.] Ed. 10-th / The text is checked with the handwritten manuscripts of the author and the original editions of his works by Nikolai Tikhonravov. Moscow: Publishing of V. Dumnov's bookstore, under the company «Heirs of Br. Salaev», 1889. T. 3. 617 p.

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
третья
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 59-77.

Voropaev V.A.
“HOW SWEET IT IS TO DIE!”
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 3
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 59-77.

9. Gogol in memoirs, diaries, correspondence of contemporaries. Full systematic collection of documentary evidence. Scientific-critical edition: В 3 т. / The edition was prepared by I.A. Vinogradov. Moscow: IMLI RAS, 2011–2013.
10. Gosenpud A. Russian opera theater of the nineteenth century: [In 3 vol.]. T. 1: 1836–1856. Leningrad: Music, 1969. 464 p.
11. Zavitnevich V. Religious and moral state N.V. Gogol in the last years of his life // In memory of Gogol. Scientific and literary collection published by the Historical Society of Nestor the Chronicler / Ed. N.P. Dashkevich. Kiev, 1902. Otd. II. P. 338–424.
12. <Ignatius, saint.> Complete collection of the creations of St. Ignatius (Brianchaninov): [In 8 vol.] / Comp. A.N. Strizheva, O.I. Saffron; Society. ed. A.N. Strizhev. Moscow: Pilomnik, 2001–2006.
13. Kartashev A.V. Ecumenical Councils. Moscow: Publishing House of the Republic, 1994. 216 p.
14. Mochulsky K. Spiritual path of Gogol. Paris: YMCA-PRESS, 1976. 147 c.
15. Samples of F., archpriest. O. Matthew Konstantinovsky, Archpriest of the Rzhev Cathedral. According to my recollections // The Tver Diocesan Gazette. 1902. № 5. March 1. The part is informal. P. 128–141.
16. Palamarchuk P.G. «The key» to Gogol // Palamarchuk P.G. Cossack graves: Tales, legends, artistic studies. Moscow: Contemporary, 1990. P. 336–422.
17. Letters to the bibliographer S.I. Ponomarev. Moscow: Ed. L.E. Buchheim, 1915. [4], 230, [2] p.
18. Pogodin M.P. The death of Gogol // Moskvityanin. 1852. № 5. Otd. VII. Modern news. P. 47–50.
19. <Popova E.I.> Diary of Elizabeth Ivanovna Popova. 1847–1852 / Ed. book. N.V. Golitsyna; pref. L.V. Belovinsky; Gos. public historical library of Russia. Moscow, 2013. 320 p. – (Looking at the past).
20. Tarasenkov A.T. The last days of his life Gogol. Ed. 2 nd, ext. from the manuscript. Moscow: The Society of Speedy Prints. Levenson, 1902. [2], 33 p.
21. <Theophanes, Bishop.> Bishop Theophanes. Thoughts for every day of the year on church readings from the Word of God. Moscow: Publishing of the Moscow Patriarchate, 1991 / Reprint edition.
22. <Filaret, prelate.> Compositions of Filaret, Metropolitan of Moscow and Kolomna: In 5 vol. Moscow: Typography A.I. Mamontov and K, 1873–1885.
23. Chernyshevsky N.G. Complete Works: In 15 vols. T. 3. Moscow: Goslitizdat, 1947. 885 p.
24. Shenrok V.I. Materials for the biography of Gogol. T. 4. Moscow, 1897. 974 p..